

УДК 398.22(=512.37)(575.2)
DOI 10.25587/s3817-7814-4380-x

Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меняев, Т. В. Басанова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИХ МОТИВОВ В ЭПОСЕ «ДЖАНГАР» (на материале сарт-калмыцкой, синьцзын-ойратской и калмыцкой версий)

Аннотация. Впервые представлен сравнительный анализ ряда сюжетобразующих эпических мотивов, характерных для сарт-калмыцкой, синьцзын-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар». Изучение сюжетобразующих мотивов, повествующих о героических коллизиях в эпосе, весьма актуально. Целью исследования является рассмотрение сюжетобразующих мотивов сарт-калмыцкой версии «Джангара» в сравнении с синьцзын-ойратской и калмыцкой версиями эпоса. Методологической основой исследования послужили принципы сравнительно-исторического изучения фольклора, теоретические положения о понятии «мотив», изложенные в работах отечественных фольклористов. Материалом для исследования послужил неопубликованный машинописный текст сарт-калмыцкой версии героического эпоса «Джангар» на языке оригинала, записанный А. В. Бурдуковым в 1929 г. от сказителя Бакхи Сарпекова. Для сравнения были привлечены опубликованные тексты песен калмыцкой и синьцзын-ойратской версий эпоса, а также личные полевые записи авторов олётской версии эпоса. Сюжеты сравниваемых песен посвящены описанию борьбы богатырей с врагами-мангасами. Прослежен ряд сходных по содержанию сюжетобразующих эпических мотивов: мотив нападения мангаса на нутук героя, мотив ломки копья богатыря (в сарт-калмыцкой версии эпоса, как и в синьцзын-ойратской, упоминаются гидронимы Или и Текес), мотив ультиматума (в сарт-калмыцкой версии, как и в синьцзын-ойратской, враг требует три ценных объекта, при этом дается право выбора), мотив богатырского поединка (в сарт-калмыцкой версии выделен мотив богатырского поединка, который, по сравнению с другими версиями эпоса, изложен очень кратко), мотив прибытия героя в родную державу (в сарт-калмыцкой версии, как и в синьцзын-ойратской, юного героя встречает ханша Авай Герел), мотив наречения именем (в сарт-калмыцкой версии героя-мальчика нарекает именем сам Джангар в присутствии всего нутука и дарит ему своего скакуна Бурхан Зерде), мотив исцеления (в сарт-калмыцкой версии исцеляет богатыря целомудренная ханша Авай Герел) и др. В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что мотивный фонд сарт-калмыцкой версии «Джангара» во многом схож с синьцзын-ойратской и калмыцкой версиями эпоса. Сюжетобразующие мотивы в рассматриваемых версиях эпоса не расторгимы, заключают в себе зачаток дальнейшего развития и часто конфликтное начало.

БОРЛЫКОВА Босха Халгаевна – к. филол. н., специалист отдела фольклора Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия.

E-mail: borlboskha@mail.ru

МЕНЯЕВ Бадма Викторович – специалист, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия.

E-mail: bmeyaev@mail.ru

БАСАНОВА Татьяна Владимировна – старший преподаватель, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Россия.

E-mail: tatianabasanova@yandex.ru

BORLYKOVA Boskha Khalgaevna – Candidate of Philological Sciences, Specialist of the Folklore Department of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia.

E-mail: borlboskha@mail.ru

MENYAEV Badma Viktorovich – specialist, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia.

E-mail: bmeyaev@mail.ru

BASANOVA Tatyana Vladimirovna – senior lecturer, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia.

E-mail: tatianabasanova@yandex.ru

Ключевые слова: сарт-калмыки; олёты; Киргизия; эпос «Джангар»; А. В. Бурдуков; архивные материалы; калмыцкая версия эпоса; синьцзян-ойратская версия эпоса; мотивы; сравнительный анализ.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00537 А.

B. Kh. Borlykova, B. V. Menyayev, T. V. Basanova

To the study of plot-forming motifs in the *Jangar* epic (based on the Sart-Kalmyk, Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions)

Abstract. For the first time, a comparative analysis of a number of plot-forming epic motifs in the Sart-Kalmyk, Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions of the *Jangar* epic is presented. The material for the research was an unpublished typewritten text of the Sart-Kalmyk version of the *Jangar* heroic epic in the original language, written down by A. V. Burdukov in 1929 from the epic teller Bakhi Sarpekov. The text consists mainly of fragments, if not three independent songs, then two without a beginning. For comparison, the published songs of the Kalmyk and Xinjiang-Oirat versions of the *Jangar* epic were used, as well as the personal field notes of the authors of the Olet version of the *Jangar* epic. The plots of the compared songs are devoted to the description of the struggle of the heroes with the enemies-*mangas*. A number of similar plot-forming epic motifs are traced: the motif of breaking the hero's spear (in the Sart-Kalmyk text of the epic, as in the Xinjiang-Oirat version, the hydronyms Ili and Tekes are mentioned); the ultimatum motif (in the Sart-Kalmyk text of the epic, as well as in the Xinjiang-Oirat version, the enemy requires three valuable objects, while giving the right to choose); the motif of the heroic fight (in the Sart-Kalmyk *Jangar*, the motif of the heroic fight is highlighted, which is very briefly stated in the comparison with other versions of the epic); the motif of the hero arrival in his home land (in the Sart-Kalmyk version, the young hero meets the Avai Gerel She-Khan, as in the Xinjiang-Oirat version of the epic); the motif of giving a name (in the Sart-Kalmyk *Jangar* the boy-hero is given the name by Jangar in the presence of all *nutuk* and Jangar gives him his horse Burkhan Zerde), the motif of healing (in the Sart-Kalmyk version, the chaste Avai Gerel She-Khan heals the hero). As a result of the analysis, interpretations and differentiating elements of some epic motifs of the Sart-Kalmyk version of the *Jangar* epic, associated with their local tradition, were established, and the similarity in the epic narration (images, motifs, plots, etc.) of the Sart-Kalmyk version with other versions was revealed, primarily with Xinjiang-Oirat (Olet) one.

Keywords: Sart-Kalmyks; Olets; Kyrgyzstan; *Jangar* epic; A. V. Burdukov; archival materials; Kalmyk version of the epic; Xinjiang-Oirat version of the epic; motifs; comparative analysis.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00537 А.

Введение

«В настоящее время науке известны, в основном, три национальные версии героического эпоса “Джангар”: калмыцкая, монгольская, синьцзян-ойратская. Из названных версий более других исследован “Джангар” в калмыцкой традиции, история собирания и изучения которого насчитывает два столетия. Первоначально “Джангар” находился в орбите научных интересов известных российских монголистов: профессора Петербургского университета А. А. Бобровникова, К. Ф. Голстунского, В. Л. Котвича и А. М. Позднеева. Они открыли научному миру героический эпос калмыцкого народа» [1, с. 3].

Весьма актуальным и значимым представляется выявление единых сюжетообразующих мотивов для исследования «генезиса и развития эпических текстов, восходящих к одной этнической традиции» [2, с. 74]. Целью нашего исследования является рассмотрение сюжетообразующих мотивов богатырской тематики (ломка копья богатыря, ультиматум, сражение, возвращение коня, расправа и др.) сарт-калмыцкой версии «Джангара» в сравнении с другими версиями эпоса (калмыцкий, синьцзян-ойратский). Методологической основой исследования послужили принципы сравнительно-исторического изучения фольклора, теоретические положения о понятии «мотив», изложенные в работах отечественных фольклористов (А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, А. И. Белецкого, В. М. Жирмунского, И. В. Силантьева, Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, С. Ю. Неклюдова, Е. Н. Кузьминой, Л. С. Дампиловой и др.). В статье при рассмотрении эпических мотивов мы придерживаемся идеи семантической целостности мотива, а также концепции «эпический мотив – один из элементов сюжетной схемы» [3, с. 140–142].

«Мотивы эпического повествования разворачивают мотивы базовые и могут выполнять различные функции – с одной стороны, сугубо формальную, т. е. сцеплять сегменты сюжета между собой, сопровождать основные сюжетобразующие мотивы и заполнять сюжетное повествование, а с другой – семантически значимую, т. е. вызывать дополнительные повороты или витки сюжета» [4, с. 18].

В калмыцком эпосоведении отдельные мотивы исследованы А. Ш. Кичиковым (1974, 1975, 1978, 1994, 1997), Б. Э. Мутляевой (1978, 1982), Э. Б. Оваловым (1982, 2008), Н. Ц. Биткеевым (1990), Е. Э. Хабуновой (2006), Ц. Б. Селеевой (2007, 2008), Д. В. Убушиевой (2010, 2011) и др.

Первые записи образцов фольклора сарт-калмыков и их научное исследование связано с деятельностью известного монголоведа-филолога, прекрасного знатока этнографии и разговорного монгольского языка, общественного деятеля Алексея Васильевича Бурдукова. Работая в Ленинградском государственном университете, он в 1929 г. совершил научную экспедицию к сарт-калмыкам, в то время малоизвестной ойратоязычной группе. Исследователю удалось записать у сарт-калмыков «5 былин, эпос “Джангар”, сказание о Зюнгар-хане, автобиографическое повествование былинщика Бакхи Сарпекова, около десятка разных рассказов и сказок, до 120 пословиц и поговорок, до 50 загадок, до 60 песен и благопожеланий», собрать «исторические сведения о каракольских калмыках» и т. д. [5, с. 47]. Многие образцы сарт-калмыцкого фольклора, в т. ч. эпос «Джангар», записанные А. В. Бурдуковым, были позже переведены на русский язык его дочерью Т. А. Бурдуковой [6]. В 2011 г. перевод Бурдуковой был опубликован фольклористом Т. Г. Басанговой в статье «Сарт-калмыцкая версия Джангара (текст, основные мотивы)». Исследователем был рассмотрен сюжет эпоса и проанализированы некоторые мотивы данной версии эпоса [7]. Полный текст эпоса «Джангар», записанный А. В. Бурдуковым, с подстрочным переводом опубликован Б. В. Меняевым и Б. Х. Борлыковой в журнале «Mongolica» [8].

Краткое содержание сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар», записанной А. В. Бурдуковой, опубликовано в 1990 г. Н. Ц. Биткеевым в книге «Эпос “Джангар”» и переиздано в 2006 г. [9, с. 22–23, 106–108]. Н. Ц. Биткеев вслед за Т. А. Бурдуковой считает, что «“Джангар” у калмыков, проживающих в Киргизии, подвергся трансформации. Произошла путаница сюжетных линий ряда поэм исконно калмыцких версий. Однако имена главных героев сохранились» [9, с. 23]. Такого же мнения придерживаются китайские исследователи Т. Тёрменке и Бу. Менке¹.

Сюжетообразующие мотивы

1. Мотив нападения мангаса на нутук² героя в сарт-калмыцком «Джангаре» является одним из сюжетобразующих мотивов, он создает конфликтную ситуацию. Захват нутука мангасами Гунан Аюл (*Гунн Аюл* букв. Трехлетнее бедствие) и Донен Аюл (*Донн Аюл* букв. Четырехлетнее бедствие) повлек за собой отправление Джангара в боевой поход. Джангар возвращает часть нутука [6, л. 6]. Данный мотив является архаичным, отражает борьбу человека с природой, а также борьбу враждовавших между собою родов и племен. Н. Н. Поппе отмечает, что «Мотивы нападения мангуса на героя чисто феодальные – захват его имущества, угон скота и увод подданных, а также похищение жены героя. Мангус, несмотря на всю свою многоголовость – мангус обычно имеет пятнадцать, двадцать пять, даже девяносто пять голов – и несмотря на ряд сверхчеловеческих качеств, оказывается, наконец, таким же человеком, как и герой, и в конце концов оказывается побежденным и убитым» [10, с. 51]. В рассматриваемых версиях эпоса часто противниками страны Бумбы выступают демонологические существа – мангасы (*tangyus* ‘мифологическое чудовище’). С. Ю. Неклюдов определил главные признаки чудовищ-мангасов: «... огромные размеры, звероподобие и людоедство..., причем людоедство выступает, с одной стороны, как крайняя форма обжорства, а с другой, как одно из проявлений “дикости”, нецивилизованности» [11]. Н. Ц. Биткеев [9, с. 30] и Т. Г. Басангова [7, с. 139] отмечают, что в калмыцком «Джангаре» мангасы подверглись трансформации, утратив ряд древних черт (звероподобие, людоедство), приобрели человеческий облик. Они ведут образ жизни, сходный

¹ Тёргян Тёрменке, 1962 г. р., олёт, То сумун, из рода Данижин Дорлан элхи, г. Кульджа (Инин) СУАР КНР. Зап. Б. В. Меняев. 2020 г.

Бу. Менке, профессор Северо-Западного университета национальностей, г. Ланьчжоу, КНР. Зап. Б. В. Меняев. 2020 г.

² Нутук – кочевье, родина.

с человеческим. В сарт-калмыцкой версии мангас по прозвищу Хайсан Толхо мангас (Хээсн Толхо Манс¹) имеет большую голову величиной с казан [6, л. 6].

2. *Мотив ломки копья богатыря* на материале монгольской, синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар» был рассмотрен А. Ш. Кичиковым [12], Н. Ц. Биткеевым [9], Э. Б. Оваловым [1], Б. Б. Манджиевой [13] и др. В калмыцкой версии мотив ломки копья богатыря «способствует введению в действие новых героев, выполняя функцию группировки и перегруппировки персонажей. Так, получив от Мингъяна знамя врага, Джангар с богатырями прибывает на выручку Хонгору» [13, с. 330]. В сарт-калмыцкой версии же эпоса разрушение копья влечёт за собой поездку в поисках материала для восстановления древка копья (*армгин иш*). Оружие – обязательный военный атрибут богатыря в эпосе «Джангар». Джангар был незаурядным копьеметателем. Своим «копьем он насквозь протыкает врага вместе с его конем в знак отмщения за агрессию» [9, с. 60], значит это идеальное, самое лучшее копье. Полное описание копья нойона Джангара имеется в калмыцкой версии эпоса [14, с. 98]. Новое древко он находит у истоков реки Текес, починив свое оружие, преследует мангасов. Названия рек Или и Текес в эпосе указаны неслучайно. До переселения в Киргизию предки сарт-калмыков – олёты кочевали по рекам Или и Текес, протекающим в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая и Казахстане [15, с. 19]. Упоминание реальных гидронимов в тексте сказителя Бакхи Сарпекова подтверждает, что рассматриваемый вариант эпоса «Джангар» относится к синьцзян-ойратской (олётской) версии. По словам китайского исследователя Д. Таи, «синьцзянские сказители, исполняя эпос “Джангар”, часто в текст вводят названия родных кочевьев: местность Хобугсар, гора Сайрин ула, местность Минган булаг, река Баян-Гол, река Хайдаг, местность Бортала, гора Алаг ула, река Или, река Хашинг и др.»². Так в олётской версии «Джангара», в «Песне о битве одинокого богатыря страны Бумбы Будджин Улан Хонгора с сыном Кюрюл Замбал-хана» упоминается название реки Текес:

Dayibang yeke xān boşyo caqtu.

Tenggeri uula bōrōq caqtu.

Tekesiyn yol bulaq caqtu.

Oqtorıyui-in jiberten delengtei caqtu.

Oi-in arātan keletei caqtu.

Gazādu dalai čalčaq caqtu.

Galbar zandan nayitaq caqtu.

Xān Garudi šobuun deqdemel caqtu

[16, с. 254].

Когда великий Дайбан-хан был

в младшем воинском чине,

Когда горы Тянь-Шаня были буераками,

Когда Текес был родником,

Когда у пернатых было вымя,

Когда лесные звери могли говорить,

Когда всемирный океан был лужей,

Когда сандал был нежной лозой,

Когда Хан Гаруди был птенцом [пер. наш].

В главе о Хара-Тэвэгту-хане («Хара Тэвэгтү хаани бөлөг») синьцзянской версии эпоса разрушение копья повлекло за собой поездку к кузнецу, который указывает Джангару место, где можно найти материал для изготовления древка копья. Этим местом является устье нижних трех балок. Волшебный кузнец помогает Джангару восстановить копье [17, с. 71].

3. *Мотив ультиматума* является также «сюжетообразующим, порождающим конфликтную ситуацию – требования одного государства к другому, сопровождаемые угрозой разрыва мирных отношений или применения вооруженной силы в случае их невыполнения» [18, с. 124]. Нутук Джангара, т. е. Бумбайская держава превосходит по своему могуществу все другие эпические державы, всех своих противников. И, тем не менее, оказываются возможными ультимативные требования и угрозы со стороны ханов и мангасов. В калмыцкой и синьцзян-ойратской версиях эпоса «потенциальные противники» требуют безоговорочно отдать богатырского скакуна Джангара Аранзал Зерде (коня Санала Бурал Галзана), ханшу Ага Шавдал и богатырей Мингъяна, Санала и Хонгора [19, с. 294; 20, с. 335–336], иначе грозятся прийти с войной и истребить Бумбайскую державу. А. Ш. Кичиков отмечает, что содержание текста ультиматума

¹ В машинописном тексте допущена ошибка: манс – калм. маңһс ‘мангас’.

² Запись Б. В. Меняев, 2020 г. (Д. Тая – профессор Университета Внутренней Монголии, г. Хух-Хото, КНР).

имеет оскорбительную форму [12, с. 241]: ханше Ага Шавдал уготована роль служанки ханши захватчика, богатырскому коню Аранзал Зерде – лошади для прогулок по айилам, Мингьяну – распорядителя пира, боевому коню Бурал Галзану – вожака табуна, Хонгору – гонца на дальние расстояния [19, с. 294; 20, с. 336]. Все перечисленные объекты представляют собой «картину ценностей Бумбайской державы» [18, с. 86].

В сарт-калмыцкой версии свирепый Хайсан Толхо мангас, отпустив сановников по просьбе Джангара, ультимативно требует у Джангара: либо скакуна Бурхан Зерде, либо прекраснейшего во вселенной Минмияна, либо ханшу Авай Герел. Если Джангар не отдаст требуемого, то мангас силой возьмет. В сарт-калмыцкой версии, в ультиматуме мангаса имеется право выбора передачи запрашиваемого, как и в синьцзян-ойратской версии эпоса [17, с. 60]. А. Ш. Кичиков пишет, что «Противоречие – каждый раз в соответствии с конкретной повествовательной ситуацией – снимается тем, что враг оказывается еще мощнее, чем даже сама могущественная Бумба, а его воины – еще сильнее и многочисленнее, чем бумбайские богатыри. И тем сильнее проявляется “эффект неожиданности” от требований, угроз врага в начале повествования, в завязке сюжета» [12, с. 242].

В сарт-калмыцкой версии Джангар из-за своей старости и бессилия отдает мангасу скакуна Бурхан Зерде. Во всех локальных калмыцких версиях эпоса Джангар хан показан молодым, даже юным. В синьцзян-ойратской версии же Джангар изображен бездетным глубоким старцем 99 лет. А. Ш. Кичиков объясняет эту разницу «тенденцией к разработке биографической тематики в условиях разрушения циклической композиции эпоса» [12, с. 33]. В монгольской и синьцзян-ойратской версиях эпоса ханша Ага Шавдал именуется Авай Герел, скакун Аранзал Зерде – Бурхан Зерде. Возраст Джангара, имя ханши и кличка скакуна еще раз показывают близость двух версий: сарт-калмыцкой и синьцзян-ойратской.

4. Мотив ультиматума порождает *мотив богатырского поединка*, который является кульминацией всех песен эпоса «Джангар». В сарт-калмыцкой версии страна Бумба нуждается в герое, призванном защитить народ, вернуть скакуна Бурхан Зерде и укрепить государство. Этим героем выступает единственный сын старого бедняка, который, играя в альчики, случайно узнает, что нойон Джангар Хайсан-Толхо мангасу отдал своего коня Бурхан Зерде: «Мальчик, играющий в альчики, поймав чалого жеребца, сел на него без седла. Поскакал, преследуя Хайсан-Толхо мангаса. И настиг он его в бескрайней степи. Боролись они, не сходя с коней, тянули друг друга. Вдруг изо рта и носа Хайсан-Толхо мангаса хлынула чёрная кровь, как из трехлетнего барана, и лилась она полдня, окропляя землю. Хайсан-Толхо мангас, обессилев, отпустил скакуна Бурхан Зерде. Мальчик привел его обратно на родину. И достигли они дверей Джангар-хана» [6, л. 7].

Именно в описании сцены поединка эпическое повествование достигает наивысшего накала. Сказитель, изображая битву мальчика с Хайсан-Толхо мангасом, заставляет слушателя сопереживать герою.

В калмыцкой версии эпоса «Джангар» чаще всего навстречу герою-победителю спешат сайды¹ [21, с. 126]. В синьцзян-ойратской версии эпоса героев встречают двенадцать главных сайдов, а также богатыри Савар Тяжелорукий (Күнд Һарта Савар), Смуглолицый Санал Строгий (Догшн Хар Санл) и Джангар вместе с ханшей Авай Герел. В сарт-калмыцкой версии юного героя спешит встретить сама ханша Авай Герел. Ханшей Авай Герел совершается древний ритуал, связанный со встречей почетных гостей: «Супруга Джангара Авай Герел поспешно выбежала им навстречу. [Она] помогла мальчику, вернувшему скакуна, сойти на землю. Понюхав обе его щеки, провела в юрту» [6, л. 9].

5. *Мотив наречения именем* движет сюжет эпической песни, он влечёт за собой новые героические подвиги героя. Эпос «Джангар» сохранил древний мотив наречения именем героя, который связан с первым боевым подвигом. Наречение именем героя «играет весьма существенную роль в эпической биографии как магическое благословение и предсказание его будущего героического пути» [14, с. 233]. «Акт переименования несет в себе мифологический

¹ Сайды – «случшие», «вельможи», в феодальную эпоху назывались как «главы отоков-хошунов, а иногда и улусов-туменов».

подтекст. Юный безымянный герой, совершивший первый подвиг, – это герой, совершивший далекий поход в иной мир, что равнозначно воскресению из мёртвых и возвращению из мира иного (мира мёртвых)» [12, с. 43]. В калмыцкой и синьцзян-ойратской версиях эпоса сын Джангара – Улан-Шовшур в трехлетнем возрасте совершает подвиг: возвращает угнанный в рабство народ Бумбайской страны. В конце песни «О победе Славного Алого Шовшура над Свирепым ханом мангасов Шара Гюргю» Алый Хонгор Благородный по решению многочисленных сайдов получает право наречь именем сына Джангара: в калмыцком – *Эрк Бадмин гегэн* ‘Святейший Бадма могущественный’ [19, с. 216], в синьцзян-ойратском – *Эрк Бадм* ‘Бадма могущественный’ [20, с. 697]. Обрядовое действо, связанное с наречением имени, в сарт-калмыцкой версии эпоса сопровождается благопожеланием *йөрәл* (букв. благословение-заклинание):

«Джангар-хан повелел. Собрав нутук, провел большой хурал. Отца мальчика поселил к северу от своей юрты. Чтобы наречь мальчика именем, собрал нутук и на хурале дал благословение:

– Пусть твое великое имя прославится в десяти сторонах света!

Победив Шулум-хана, пусть твое имя прославится!

В трехлетнем возрасте, победив в трех битвах, пусть твое имя прославится!

Овладев тремя дальними странами, пусть твое имя прославится!

Джангар преподнес в дар [мальчику] своего прекрасного скакуна Бурхан Зерде» [6, л. 8].

«В сарт-калмыцком эпосе персонаж с низким статусом, благодаря своему поступку, достигает высокого положения. Так, сын бедняка, совершив подвиг, получает имя Эр Хонгор и титул нойона» [20, с. 238]. Благословение Джангара сопровождается мотивом дарения скакуна Бурхан Зерде. В сарт-калмыцком тексте встречается словосочетание *йөрәл өгх* букв. ‘дать благословение’. В ойратском и калмыцком языках же: *йөрәх* ‘благословить’, *йөрәл тәвх* букв. ‘произнести благословение’. Вероятно, в сарт-калмыцком языке это произошло под влиянием киргизского языка: *бата бер* ‘дать благословение’.

6. Мотив магической неуязвимости героя. «У каждого мотива в отдельной национальной традиции формируется некоторое количество вариантов-воплощений, которые непременно возникают во всяком эпическом сюжете, дополняя основной сюжетобразующий мотив» [4, с. 18]. Большинство героев (Джангар, Благородный Алый Хонгор) в версиях эпоса «Джангар» отличаются чудесной неуязвимостью. Каждый из названных героев имеет, однако, уязвимое место: у Джангара – лопатка, у Хонгора – позвоночник. В сарт-калмыцкой версии эпоса герой Эр Хонгор имеет уязвимое место между лопатками. Мангасы Гуна Аюл и Донен Аюл ранят его между лопаток стрелой из зеленого сандала (санскр. *kalpavriksha*), выпущенного из лука Йидэр-Шара (букв. ‘желто-пестрый’). «В калмыцкой версии эпоса богатырский лук служит атрибутом лишь одного Алтан-Чээджи, а в остальном упоминается лишь изредка, ситуативно, в синьцзян-ойратских версиях, как и в тууль-улигерных повествованиях лук занимает почетное место» [12, с. 257]. Эр Хонгор смог вытащить стрелу, но ее головка (*башг*) осталась в ране. Конь Бурхан Зерде, как и свойственно героическому богатырскому коню, спасает своего хозяина, уносит его с поля боя. «Такая “условная уязвимость” представляет позднейший мотив, примиряющий представление о сказочной неуязвимости героя с рассказом о его гибели» [22, с. 44].

7. Мотив магической неуязвимости героя порождает мотив исцеления. Данный мотив – ритуальный обряд чудесного исцеления богатыря женщиной, часто встречаемый в архаическом эпосе. В калмыцкой и синьцзян-ойратской версиях высоко нравственные женщины (мать Хонгора – Зандан-Герел, супруга Тяжелорукого Савара) трижды перешагнув, исцеляют Джангара. «Мотив перешагивания воплощает архаичный мотив усыновления, так по древнему обычаю женщина, совершившая этот обряд, становилась матерью, поэтому Хонгор и Джангар делаются братьями (побратимами), сыновьями Зандан Герел, соответственно их отцом стал Шигширги» [13, с. 328]. В сарт-калмыцкой версии эпоса, головку стрелы, оставшуюся в ране Эр Хонгора, извлекает ханша Авай Герел. По совету старца во всем ханстве ищут высоко нравственную женщину. Ею представлена супруга Джангара – Авай Герел: «[Ханша] помолилась бурханам, очистилась, возжгла можжевельник, омыла свое тело, положила юношу ничком и зубами вынула наконечник стрелы, вонзившийся между двумя лопатками юноши. Приготовив лекарственные снадобья, исцелила юношу» [6, л. 9].

Заключение

Таким образом, схожесть мотивного фонда сарт-калмыцкого эпоса с синицзян-ойратской и калмыцкой версиями «Джангара» свидетельствует о существовании в прошлом ойратской эпической общности. Сарт-калмыцкий эпос, записанный в 1929 г. А. В. Бурдуковым, является «осколком» традиционных песен Джангариады, который по содержанию и языку близок к синицзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что сюжетообразующие мотивы в рассматриваемых версиях эпоса «Джангар» в повествовательной структуре дальше переходят в мотивные комплексы или «наборы мотивов» (С. Ю. Неклюдов). Мотивные комплексы в эпосе «Джангар» не расторгимы. Так, в сарт-калмыцкой версии эпоса мотив захвата нутука (нападение мангаса на нутук героя), скакуна Бурхан Зерде и мотив ультиматума создают конфликтную ситуацию, которая повлекла за собой героические подвиги героев (Джангара, Эр Хонгора).

Литература

1. Овалов Э. Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. – Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. – 304 с.
2. Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Николаева Н. Н., Заяасурен Чулуун. Традиционные мотивы в сюжете о сватовстве в эпосе монгольских народов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2019. – Т. 78. – № 4. – С. 72–78. – DOI : 10.31857/S241377150006113-7.
3. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. в память В. Я. Проппа. – Москва : Наука, 1975. – С. 144–184.
4. Ершова И. В. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. – 2017. – № 2 (41). – С. 14–20.
5. Бурдуков А. В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. – 1935. – № 6. – С. 47–79.
6. Сарт-калмыцкая и баитская версия «Джангара» // Научный архив КИГИ РАН (ныне НА КалмНЦ РАН). – Ф. 5. – Оп. 2. – Ед. хр. 6. – 24 л. (На калмыцком яз.)
7. Басангова Т. Г. Сарт-калмыцкая версия Джангара (текст, основные мотивы) // Новые исследования Тувы. – 2011. – № 4. – С. 131–139.
8. Меняев Б. В., Борлыкова Б. Х. Из истории записи сарт-калмыцкой версии эпоса «Джангар» // Mongolica. – 2021. – № 1. – Т. XXIV. – С. 85–93. – DOI : 10.25882/zj60-1188.
9. Биткеев Н. Ц. Эпос «Джангар». – Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар» ; КалмГУ, 2006. – 352 с.
10. Поппе Н. Н. Халха-монгольский героический эпос. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. – 125 с.
11. Неклюдов С. Ю. Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа) [Электронный ресурс]. URL : <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov52.htm> (дата обращения : 20.08.2020).
12. Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. 3-е изд., репринт. – Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 320 с.
13. Манджиева Б. Б. Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. – 2020. – № 3 (54). – С. 322–334.
14. Козин С. А. Джангариада. Героическая поэма калмыков : Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. – Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. – 252 с.
15. Остроумов Н. П. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1879. – 117 с.
16. Bumba-in onoi yacsa batur Buljin ulan Xongyor Kural Zambal xani kobutunlei bayiri barildaqsan bolbq // Jangyar / T. Jamsa erkelen nayirulbai. – Urumci xoto : Xinjiyang-giyin yeke suryuuili-in kebleliyin xorg. 2010. X. 251-264. (На ойратском яз.)
17. Джангар. Героический эпос синицзянских ойрат-монголов. В 3 т. Т. 2 / пер. на соврем. калм. язык Б. Х. Тодаевой. – Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. – 831 с. (На калмыцком яз.)
18. Селеева Ц. Б. Мотив ультиматума и его формальная реализация в синицзян-ойратской и калмыцкой версиях «Джангара» // Россия и Центральная Азия : историко-культурное наследие и перспективы развития : материалы Международной научной конференции (Элиста, 13–14 сентября 2006 г.). – Элиста : КИГИ РАН, 2007. – С. 80–86.
19. Джангар. Калмыцкий героический эпос. Т. 1 / сост. А. Ш. Кичиков. – Москва : Наука, 1978. – 442 с. (На калмыцком яз.)

20. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. В 3 т. Т. 1 / пер. на соврем. калм. язык Б. Х. Тодаевой. – Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар», 2005. – 855 с. (На калмыцком яз.)
21. Джангар. Калмыцкий героический эпос / Сост. А. Ш. Кичиков. – Т. II. – Москва : Наука, 1978. – 417 с. (На калмыцком яз.)
22. Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 145 с.

References

1. Ovalov E. B. Plot and style traditions in the epic “Jangar” and its versions. Elista, ZAOr “NPP «Jangar»” Publ., 2008, 304 p. (In Russ.)
2. Dampilova L. S., Khabunova E. E., Nikolaeva N. N., Zayaasuren Chuluun. Traditional motifs of the courtship plot in the epic of the mongolic-speaking peoples. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2019, vol. 78, no. 4, pp. 72–78. DOI: 10.31857/S241377150006113-7. (In Russ.)
3. Putilov B. N. Motif as a plot-forming element. In: Typological research on folklore: collection of articles in memory of V. Ya. Propp. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 172–184. (In Russ.)
4. Ershova I. V. To the interpretation of the epic motif (problem statement). *The New philological bulletin*. 2017, no. 2 (41), pp. 14–20. (In Russ.)
5. Burdukov A. V. Karakol Kalmyks (Sart-Kalmaks). *Soviet ethnography*. 1935, no. 6, pp. 47–79. (In Russ.)
6. Sart-Kalmyk and Bait versions of “Jangar”. In: Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. F. 5, inv. 2, storage unit 6, 24 sh. (In Kalmyk)
7. Basangova T. G. Sart-Kalmyk version of Jangar (text, main motifs). *The New Research of Tuva*. 2011, no. 4, pp. 131–139. (In Russ.)
8. Menyayev B. V., Borlykova B. H. From the history of recording the Sart-Kalmyk version of the Jangar epic. *Mongolica*. 2021, no. 1, vol. XXIV, pp. 85–93. DOI: 10.25882/zj60-1188. (In Russ.)
9. Bitkeev N. Ts. Epic “Jangar”. Elista, ZAOr “NPP «Jangar»” Publ.; KalmGU Publ., 2006, 352 p. (In Russ.)
10. Poppe N. N. Khalkha-Mongol heroic epic. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937, 125 p. (In Russ.)
11. Neklyudov S. Yu. Spirits and non-humans in an unfriendly world (on some strategies for constructing a mythological image) [Web resource]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov52.htm> (accessed August 20, 2020). (In Russ.)
12. Kichikov A. Sh. The heroic epic “Jangar”. Comparative typological study of the monument. 3rd ed., reprinted. Moscow, Oriental literature Publ., 1997, 320 p. (In Russ.)
13. Mandzhieva B. B. Plot-forming motifs in the epic repertoire of jangarchi Teltiya Lidzhieva. *The New philological bulletin*. 2020, no. 3 (54), pp. 322–334. (In Russ.)
14. Kozin S. A. Jangariada. The heroic poem of the Kalmyks: An introduction to the study of the monument and the translation of its Torgut version. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1940, 252 p. (In Russ.)
15. Ostroumov N. P. Chinese emigrants in the Semirechye region of the Turkestan region and the spread of Orthodox Christianity among them. Kazan, Imperial University Printing House, 1879, 117 p. (In Russ.)
16. The Bold Hero Burjin Ulan Hongor Battled the Son of Kurel Zambul Khan. Jangar. Compiler T. Jamca. Urumchi, Xinjiang university press. (In Oirat).
17. Jangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. In 3 vol. Vol. 2. Transl. into modern Kalmyk language by B. Kh. Todayeva. Elista, ZAOp “NPP «Jangar»” Publ., 2006, 831 p. (In Kalmyk)
18. Seleeva Ts. B. The motif of the ultimatum and its formal implementation in the Xinjiang Oirat and Kalmyk versions of Jangar. In: Russia and Central Asia: historical and cultural heritage and development prospects: proceedings of the International scientific conference (Elista, September 13–14, 2006). Elista, KIH RAS Publ., 2007, pp. 80–86. (In Russ.)
19. Jangar. Kalmyk heroic epic. Vol. 1. Comp. A. Sh. Kichikov. Moscow, Nauka Publ., 1978, 442 p. (In Kalmyk)
20. Jangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. In 3 vol. Vol. 1. Transl. into modern Kalmyk language by B. Kh. Todayeva. Elista, ZAOp “NPP «Jangar»” Publ., 2005, 855 p. (In Kalmyk)
21. Jangar. Kalmyk heroic epic. Vol. 2. Comp. A. Sh. Kichikov. Moscow, Nauka Publ., 1978, 417 p. (In Kalmyk)
22. Zhirmunsky V. M. Epic creativity of the Slavic peoples and the problems of the comparative study of the epic. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, 145 p. (In Russ.)